

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я необыкновенно горд тем, что мне поручена такая почетная миссия — выступить со своеобразным предисловием к этой книге, потому что для меня это очень важное личное событие.

Как журналисту мне очень много приходится ездить по разным городам и у нас, и за рубежом, и не так давно в одной очень благополучной западной стране, которая, по большому счету, не участвовала в войне, но теперь является своего рода центром Евросоюза, случилась одна дискуссия на военную тему. Представитель журналистского цеха этой самой замечательной страны с досадой сказал:

— Почему вы все время так эмоционально вспоминаете войну и сколько вы будете на эту тему спекулировать в нашей нынешней действительности двадцать первого века?

Меня это страшно поразило... а он добавляет: «Это же все уже история». И я тогда ему ответил, что это для вас история, а для нас это никакая еще не история, потому что все, что происходило тогда, это то, что происходило с моей семьей и еще с теми, кто не ушли, с теми, кто жив.

В моей семье блокада, вообще война, значит очень много, поскольку у меня оба деда воевали, и воевали очень круто, начали войну лейтенантами, закончили подполковниками, они, может быть, не были какими-то супергероями Советского Союза, но у них по три ордена и по три боевых медали за войну, и всю войну на фронте — с лейтенанта до подполковника, и остались живы. Один был артиллерист — Константинов Павел Игнатьевич, чью фамилию я использую как псевдоним, а Баконин Виктор Дмитриевич был связистом.

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА. Народная книга памяти

У моих дедов — и Сталинград, и Курская битва... А Константинов Павел Игнатьевич просто участвовал в прорыве блокады, и он точно при этом не знал, что с семьей... А семью эвакуировали на Алтай в Бийск — моя мама и мой дядя Сережа чудом остались живы — их вывозили по Дороге жизни, и машина, которая шла перед ними, погибла, потому что был налет авиационный...

Я не могу сказать, что в моей семье много говорят о блокаде, поскольку это страшные воспоминания. Но все то, что говорится, запоминается мгновенно. Я помню с детства страшный рассказ мамы о том, что, когда в сорок втором стало совсем голодно, страшно... она с голодухи маленького дядю Сережу укусила за пальчик... А он — типичный блокадный ребенок, потому что родился уже в блокадном Ленинграде, когда немцы замкнули кольцо, и в сентябре сорок первого он и родился, а в сорок втором мама... И хотя она сама была совсем маленькая, она в тридцать девятом году летом родилась. Моя бабушка, когда еще была жива — Ольга Константиновна, — рассказывала, как мама маленькая, не могла еще толком выговаривать, и она кричала не «тревога!», а «туога, туога!»... Чудом моя бабушка умудрилась выжить с двумя маленькими детьми, когда они эвакуировались на Алтай. А маленькая мама на всю жизнь запомнила, как она укусила своего братика за палец. Вроде бы ничего такого нет в этой истории, но она передает весь ужас и все то настоящее страшное, что было в те дни.

А еще мама запомнила, как умирала бабушка, моя прабабка, и запомнила, как в последний раз пришел с работы дедушка — мой прадед. Бабушка умирала уже в поезде, когда везли в Бийск, а дедушка умер на работе. Он был очень интересным человеком — ведущим конструктором Охтинского химкомбината, одним из тех, кто создавал этот комбинат, еще до революции получил звание почетного потомственного гражданина за создание пороховых смесей.

Прадед был уже совсем стареньким, мать запомнила, как однажды он пришел, принес кулечек какой-то еды, а потом вернулся на завод и не смог уже уйти домой, просто умер на рабочем месте от голода. Ему было семьдесят два года. И бабушка всегда говорил моей маме — ты должна помнить, чья ты внучка.

У меня близких родственников блокаду прошли, а в основном не прошли — восемнадцать человек. А из восьми моих прадедушек и прабабушек

БЛОКАДА

в блокаду умерло шесть. А двое не умерли в блокаду только потому, что одна прабабушка умерла от тифа еще в Гражданскую... а прадед, который остался жив, он вообще был не в Питере.

В основном умирали на работе, двоюродный брат моего отца умер не на рабочем месте, потому что ему было семь лет, он от голода умер...

Наверное, больше рассказывать тут нечего. Я могу, конечно, перечислять всех своих замечательных родственников, но это может почти каждый ленинградец...

Помню как мать с трогательным умилением восприняла новость о том, что поставили, наконец, памятник детям войны. Потому что это особая история. Они, конечно, на фронте не уничтожали немцев, но пережить то, что им выпало пережить...

Тот журналист из спокойной европейской страны, который мне в командировке сказал такие слова... он, наверное, читал что-нибудь о блокаде, но понимать — он не понимает. А у нас в семье понимают, поэтому у нас обязательно девятого мая все — и я, и брат, и наши дети... мы ходим девятого мая на Пискаревку на один из рвов сорок второго года — мы разные их выбираем, потому что мы не знаем, где именно похоронены наши, знаем, что многие — на Пискаревке и в сорок втором году... И мы бросаем сломанные гвоздики, выливаем немножко водки из фляжки, кладем хлеб, потому что мы их помним и мы ими гордимся.

Это очень светлая и важная гордость, потому что все равно семья уцелела — не под корень вырубил — прошла это страшное испытание, прошла достойно, значит, потомки тех, кто выжил и тех, кто погиб, обязаны эту память хранить. Это не пафосные слова, повторю, любой, у кого в семье это было, он это разделит...

Я беседовал с губернатором нашего города — Георгием Сергеевичем Полтавченко — об этой книге. Он попросил найти какие-то правильные слова, потому что его мама тоже была блокадницей, и он тоже ею очень гордится.

Я не знаю, будет ли эта книга иметь коммерческий успех, но думаю, что она издается не поэтому. Есть вещи, в которых совсем не важна коммерция. И если мы хотим оставаться людьми, и если мы хотим оставаться людьми одухотворенными, если мы хотим, чтобы нас уважали, соответственно мы должны уважать и себя, и своих предков, и память о таких не-

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА. Народная книга памяти

вероятных событиях мировой истории — единичных, таких было очень мало, таких, как питерская блокада.

Воспоминания блокадников могут быть в разной степени интересными, в них может не быть приключений, без которых мало что интересует в текстах современную молодежь. Но они очень важны для того, чтобы мы оставались людьми. Эти горькие страницы обязательно нужно читать. Лекарство, оно необязательно должно нравиться. Лекарство может быть горьким, некомфортным, неприятным, но лекарства существуют для того, чтобы люди оставались здоровыми. В физическом, и самое главное, в нравственном смысле. Поэтому я очень горд, что у меня была возможность сказать такие, может быть, немножко корявые, но самые искренние слова.

Андрей Константинов